

• Памятники Тверской провинции

Памятник советскому солдату

Одним из центральных событий празднования 75-летия Победы стало открытие на обильно политой кровью ржевской земле памятника советскому солдату.

Под эгидой Российского военно-исторического общества деньги на его возведение собирали всем народом. Часть средств выделило союзное государство России и Беларуси. Строительство началось в июне 2019 года и продлилось 1 год и 5 месяцев. За это время установили на насыпном десятиметровом кургане скульптуру солдата из бронзы высотой почти 25 метров и весом 200 тонн. Его авторы – молодая команда из скульптора Андрея Коробцова и архитектора Константина Фомина.

30 июня 2020 года Президенты России и Белоруссии Владимир Путин и Александр Лукашенко открыли памятник и возложили к нему цветы. В числе главных участников мероприятия были ветераны Великой Отечественной войны.

«ПРОЛЕТЕТСЯ С НЕБА В ДУШУ БЛАГОДАТЬ...»

Любовь ЕГОРОВА,
г. Осташков

Любовь Викторовна Егорова родилась в Тюменской обл. Окончила Тобольский рыбопромышленный техникум по специальности ихтиолог-рыбовод. Работала рыбоводом в карповом хозяйстве «Пуйга» В-Волоцкого района. Затем более 30 лет - ихтиологом инспекции рыбоохраны на озере Селигер. Почетный рыбовод России.

Стихи стала писать в зрелом возрасте. Публиковалась в областной и районной газетах, газете ЗОЖ, сборниках Каблуковской радуги, альманахе «Селигер». Выпустила два небольших сборника стихов: «Откровение» (2007 г.) и «Дневник судьбы» (2012 г.).

ДОРОГА К ХРАМУ

Тернистым мой путь оказался до
храма,
Когда я впервые отправилась к
Богу.
Ногами разбитыми встала к
порогу,
Они спотыкались о камни и ямы.
Просила душа покаянья и веры,
И сердце стремилось к любви и
покою...
Быть может, я милости этой не
стою,
Напрасно стучусь в приоткрытые

двери?
Но с радостью Бог открывает
объятия,
Он каждому верит и всякого
любит,
Простит прегрешения и не осудит.
И с чистой душою приму я
причастие.

* * *

Сети сотового моря переполнены
звонками:
Кто-то хочет поделиться гроздью
свежих
новостей,
Скинуть лишний груз эмоций,
перекинуться словами,
Отыскать в земном пространстве
затерявшихся друзей.
Всюду носим «раскладушки»,
новомодные
«айфоны»,
Вон идет чужак- прохожий, сам с
собой

говорит.
Отвечает ему сонный абонент из
Вашингтона,
Вынося всем телефонам
сокрушительный
вердикт.

А когда-то наши предки выводили
письма
вязью,
Отправляли их на «тройке» по
дороге
столбовой.
И, наверное, мечтали о мобильной
нашей связи,
Как и мы, порой, мечтаем о
несуетности
той.

(окончание на стр. 2).

(начало на стр. 1).

ЖИЗНЬ УДАЛАСЬ

Стучатся в дверь метели и морозы –
Ноябрь давно к приходу их готов.
Жизнь удалась, но больше было

прозы,

Гораздо меньше песен и

стихов.

Жизнь удалась. Но я бы так

сказала:

Пусть мне небо не дарило звезд,
И счастье грело редко, вполнакала,
Всё прошлое мне дорого до слез.
Жизнь удалась, и это несомненно.
Но, может быть, не в этом даже

суть:

Здесь на Земле, а значит - во

Вселенной

Проложен мной неповторимый

путь.

* * *

Светлые дни принесет нам с

каплями

март,

Пусть не тепло, но, однако ж,

преддверие

лета.

Снова сажаем рассаду, а это –

примета,

Что недалёк огородного времени

старт.

Срок холодов нелегко нам в

квартирах

отбыть,

Нафаршированных смогом

электроприборов.

Поднадоели просмотры всех шоу и
споров,

Взять бы лопату, себя поскорей
заземлить.

Снимет земля накипевшую горечь
эмоций,

Мы ж от неё зарядимся за лето

покоем.

Будем кормить своих внуков едою
простою –

Овощем с грядки, в котором

отсутствует

стронций.

ЗАБОР

Конечно же, забор забору рознь,
Объединяет их одно название.

Иному стать бетонным довелось,
Плетень едва достиг такого звания.
Высокий металлический забор
Надежно охраняет мир хозяев,
Он не пропустит посторонний

взор,

Но сквозь себя и свет не

пропускает.

А вот штакетник окружает дом -
Веселые, раскрашенные доски.

Не пёс сторожевой, не цербер он,
Скорее, украшение в полоску.

Прохожему он согревает взгляд,
А солнцу не мешает нежить

грядки.

О, как заборы точно говорят

О нравах их хозяев и достатке.

* * *

Серебром истекает луна,

Искажаются контуры круга.

Над землёю она не одна –

С нею звезды и ночь-подруга.

Крест оконный скорбит на стене-

Занавески покоятся в стирке.

И строки не прочесть при луне

Из раскрытого томика Рильке.

Свет включить – надо руку тянуть,

Но дремотная нега сильнее.

И со мной стихотворная суть

Погружается в царство Морфея.

* * *

В ночном краю есть место лишь

луне,

Бессонному окну, да звездной

ниве.

И в этом, приглушенном тьмою

мире

Позволено звучать одной волне.

Да ветру разговаривать с

листой...

На фоне полуночной тишины

Шаги часов по комнате слышны,

Да аритмия всхлипов за стеной.

* * *

Всё то, о чем стыдливо я молчу,

На кончике пера застыло в

ожидании

Рождения новых слов. За них я

заплачу

Минутами сомнений и терзаний.

Случилось так, что легче всё

отдать,

Чем груз нести и дальше в

одинокую.

Прольется с неба в душу

благодать,

Когда в конце смогу поставить

точку.

* * *

Я еще напишу, напишу свои

строчки.

Ну, хотя бы одну. Сочетания слов

Зазвучат, наконец, поэтически

точно,

И получают высокое звание стихов.

А пока я стою у подножья

Парнаса,

Надо шею свернуть, чтоб вершину
узреть.

Я поставлю свечу возле

иконостаса,

Чтоб найти ту строку, прежде, чем
умереть.

СОЛНЦЕ И МОРЕ

В рассветный час из вод глубоких
Круг ослепительной звезды

Встаёт, чтоб день трудиться в поте

На осветительной работе,

Не получая за труды.

Едва закончив в небе смену,

Уйдет опять в глубины вод,

Вскрыв то ль артерию, то ль

вену...

И плащ багряный вновь наденут

Морская гладь и небосвод.

* * *

Родился снег сегодня раньше

срока,

В утробе тучи он лежать устал

Без дела, без движения, без прока.

Страдал он, как мифический

Тантал,

Возможности не видя дотянуться,

Прикрыть собою наготу Земли...

И вот летел! Переполняли чувства

Восторга, предвкушения, любви.

* * *

Обижаться и плакать не будем,

Только тихая грусть иногда

Поздней ночью внезапно разбудит,

И появится в небе звезда,

Под которой с тобою мне было

И тревожно и очень светло.

Я пока еще не разлюбила,

Просто время прощаться пришло.

(продолжение, начало в №№19 (ноябрь) - 39 (июль)).

Письмо тридцать седьмое

ТЫ знаешь, сколько мы ни говорим, сколько ни видим умершие деревни, но каждый раз, когда реально в такое село попадаешь, возникает очень тяжелое ощущение. Все, конечно, можно опозитизировать и превратить в декорации, но реальность все равно дышит бедой. Вывороченные окна, упавшие и вросшие в траву и чертополох заборы, дырявые крыши и все то, что составляет повседневный быт крестьянина. Огромная печаль. Необратимость... Хотя на все, конечно, Божья воля. Я знаю тех, кто жил здесь и вот здесь, и там. Вот в углу стоит палка с которой он в свои почти 90 лет шел всю ночь на больных ногах в поисках коровы. Вот тележка с выпиленными из доски почти квадратными колесами...

Здесь жила учительница. Одна в вечно холодном огромном доме. Вернее, в его половине. А здесь жил весельчак и крикун Гриша... Всюду разруха, окна без рам, обвалившиеся потолки, мертвая тишина. И столбы без проводов, как часы без стрелок. Помнишь, у Бергмана... Все! Жизнь ушла. Зимой сюда уже давно нет дороги. А когда-то, прости за банальность, здесь всюю кипела работа. Кто же погасил эту жизнь? Извечные русские вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?». Неужели нельзя хоть попытаться собраться с силами и сказать правду или хотя бы поискать ее?

Высшая свобода – это жесточай-

шая дисциплина и организованность. Любому бриллианту нужна своя оправа. Снятие рамок и ограничений ведет к распушенности. Еще Толстой писал о том, что, увидев своего соседа, отрывающего дверь в ресторане, крестьянин, естественно, понимал, что золотая цепочка на жирном брюхе лучше, чем веревка на подведенном. И что лучше махать дверью за чайные, чем косой на бесконечном лугу. И он бросал свое хозяйство, тяжелый труд и бежал в город, подметать улицы или мыть спины купцам в бане.

Как только Хрущев отдал крестьянам паспорта, так все, кто мог, рванули в город, а кто не мог – отправили туда своих детей. Население городов резко увеличилось, а деревня опустела. И все эти разговоры о снятии границ между городом и деревней – пустая болтовня. Как может крестьянин, окончив работу в поле, придти домой и не заняться личным хозяйством? Дом – это дом! Квартира – это квартира. Для настоящего хозяина рабочий день бесконечен. Особенно летом. Что можно делать в квартире после рабочего дня? Поест и забыться перед телевизором... Очень интересна еще одна тенденция – куда отправляют учиться своих детей деревенские жители? Все меньше и меньше на зоотехников и трактористов, а все больше на бухгалтеров, экономистов, компьютерщиков и т. д. Подальше от навоза и дойки, от грязного труда. И обратно в деревню они уже не спешат после учебы. Кто же остается на земле? Те, кто не в состоянии бежать, и те, кто эту землю любит. Но последних меньше. Я знаю у нас только одного земледельца, у которого земля ухожена, именно ухожена. Не вспахана кое-как, бегом, а обработана по всем правилам. Дикая ситуация процветает у нас в деревне. «Крестьяне» покупают в магазине яйца, лук, картошку, сало, масло, чеснок, огурцы, помидоры, яблоки... Разве это не показатель? Россия ждет своего историка, который не опишет происходящие события, а вскрыет корни русских бед и закономерность всего происходящего. Который поставит открыто и ясно перед народом причины его горестного бытия, помня, что

за высказанную в лицо правду людей побивали камнями или распинали.

Правду не любит никто! Правда глаза жжет, но когда она высказана, от нее уже не увернешься. Мне кажется, мы все время увиливаем от главных причин. Можно собирать съезды, создавать партии, но пока мы не поставим главные вопросы, а затем всем миром не подумаем, можно ли изменить существующее положение в данном вопросе, все будет утопать в разговорах и разовых акциях.

Надо честно посмотреть самим себе в глаза. Что мы жалуемся, что где-то плохо ведут себя кавказцы? Кто виноват? Мы и только мы. Где есть крепкая общность, там все нормально. У нас жил чеченец Муса, хорошо жил, богато. Занимался мясом. Растил четверых детей и был всеми уважаем, пока не умер от сердечного приступа. А было, приехали две семьи и начали хамить, к ним быстро подъехали два десятка наших парней, объяснили, что к чему, через два дня хамы уехали. Когда тело Мусы готовили к отправке на родину другой мой знакомый чеченец, Али, который тоже живет здесь не один десяток лет (занимается скотом), сказал мне обидные, но справедливые слова: «Дима! Когда у меня сгорела ферма, через неделю ее уже отстроили полсотни моих соотечественников из Чечни. Построили все заново, собрали мне денег, чтобы можно было жить дальше. Выпили по стакану вина и разъехались. А у вас если у кого беда – все только радуются, а помощи не дожدهшься».

Еще пример. В Ворошилове зимой рухнула крыша одного дома. У нас живет много молдаван, а как раз под этой крышей жила дальняя родственница одной русской женщины, вышедшей замуж за молдаванина. Так эта крыша была восстановлена за один день. Собрались все молдаване и сделали все махом. Вот нам пример, как надо жить. Там, где крепкая община, там нормальная жизнь. А там, где пустота, лень и пьянство, там и

(окончание на стр. 4).

(начало на стр. 3).

правит кто угодно, а тебя пинают ногами.

Так вот, мы должны молиться истово и настойчиво, чтобы Господь дал нам вождей, духовных организаторов на местах. Если бы вся Россия упала перед Господом на колени, я уве-рен, «Курск» бы всплыл. Не позвонить в колокола и отчитать положенное, а встать на строгий пост, как это делал всегда во время беды русский народ, и на молитву. И подлодка всплыла бы. В полной тишине, а не в мире сплетен и домыслов.

Надо с себя начинать, в своей семье стать примером. Вот где я вижу первые шаги к возвращению на Родину. Домой, в Россию, к миру, тишине, покою, труду, молитве, согласию в доме, а не к «консенсусу» где-то с кем-то!

Вернуться к русской песне и танцу, и русской литературе, на поклон к святым отцам нашей Православной Церкви, к труду на земле, чтобы в наследство детям оставить ухоженный крепкий дом, землю, полные закрома, а не условные единицы. Надо создавать общины (чувство локтя) и там, внутри, ограждать, воспитывать детей, женить и налаживать им жизнь, как говорит наш многовековой опыт, а не скользкие «Времена» европейского эксперимента. Пора возвращаться домой. Давно пришло время. И не надо затевать диспуты и свары с кем бы то ни было. Надо просто выдернуть из розетки шнур телевизора и заняться своими делами. Трудно, очень трудно сломать привычку бессмысленно глазеть на пошлятину и слушать блатные песни, но другого пути нет.

Я не ропщу о том, что отказали Боги Мне в сладкой участи опаривать налоги. И мало горя мне, свободно ли печатать Морочит олухов, иль чуткая цензура В журнальных замыслах морочит балагура, Все это, видите ль, слова, слова, слова...

А. С. Пушкин.

Все давно сказано, и не будет нового среди людей. Горько от того, что поздно это понимаешь.

Твой Д.ВЛ.

ноябрь

2004

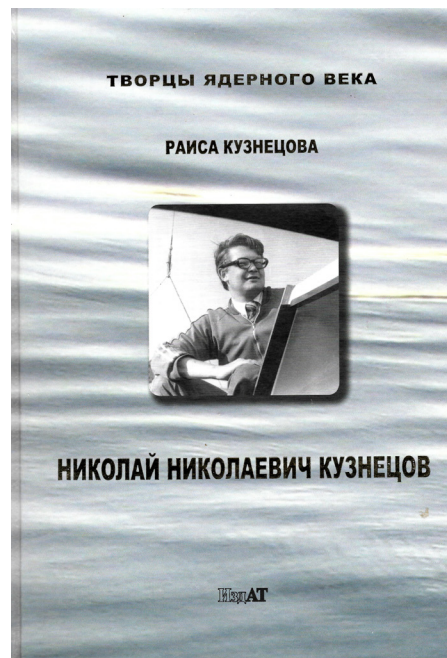
стр. 4

• Новые книги

О сыне легендарного адмирала

В серии «Творцы ядерного века» вышел фундаментальный труд «Не пали отчие знамена»: Николай Николаевич Кузнецов – человек, который всегда впереди (воспоминания). Автор и редактор – доктор исторических наук, директор музея И.В. Курчатова, член Союза писателей РФ Раиса Васильевна Кузнецова.

В книге помещены не только подробный рассказ Раисы Васильевны о своем муже, блестящем инженере-ядерщике, одном из ликвидаторов Чернобыльской аварии, сыне легендарного советского адмирала Николая Герасимовича Кузнецова. Здесь же множество фотографий, воспоминания бывших сокурсников Николая Николаевича по Нахимовскому училищу, Высшему военно-техническому училищу им.Ф.Э. Дзержинского, Московскому энергетическому институту, коллег по НИИ «Курчатовский институт», добрых его знакомых. Среди воспоминаний очерк писателя Валерия Кириллова с двумя стихотворениями. Одно из них ставшее песней (ее автор также В.Кириллов), посвящено супругам Кузнецовым, другое – памяти Н.Н. Кузнецова.

Когда-то Николай Николаевич приобрел старый дом в андрепольской деревеньке Козлово Село, где они с Раисой Васильевной стали проводить почти каждый летний отпуск. Приезжала с ними и супруга адмирала Вера Николаевна. Несмотря на множество дел, Раиса Васильевна (автор обстоятельных документальных книг об И.В. Курчатове и Н.Г. Кузнецове) не забывает этот дом, где им с Николаем Николаевичем так счастливо жилось. Кстати, Козлово Село сохранилось именно благодаря ядерщикам Курчатовского института, приобретшим здесь около десятка домов бывших местных жителей.

С. Николаев

На снимках: книга Р.В. Кузнецовой «Николай Николаевич Кузнецов» Н.Н.; Кузнецов в д. Козлово Село. 2004 г.

УРОКИ ПЕДАГОГИКИ

*Русский философ и писатель
Василий Розанов и Бельский край*

ВАСИЛИЙ Васильевич Розанов родился 20 апреля (2 мая) 1856 года в городе Ветлуге Костромской губернии. Однако волею судьбы ему пришлось около двух лет прожить в городе Белом Смоленской губернии, учительствуя в мужской прогимназии, директором которой был его старший брат Николай Васильевич Розанов. Переехал он сюда из Орловской губернии, обменявшись местами работы с бывшим университетским товарищем Константином Васильевичем Вознесенским, который согласился поступить на его место в г. Елец.

В письме к К.Н. Леонтьеву (публицист-славянофил, 1831-1891 гг., умер монахом) от 22 июля 1891 года В.В. Розанов пишет, что «...10-го августа я уезжаю из Ельца в Белый». И далее: «Если письмо будет отпущено 9, 10 и т. д. августа, то адрес в город Белый Смоленской губернии, в Прогимназию мужскую, В.В. Розанову...»

На новое место жительства он приехал со второй женой – Варварой Дмитриевной Бутягиной, с которой был тайно обвенчан в церкви Калабинского детского приюта г. Ельца. Первой женой Розанова была А.П. Суслова, известная тем, что состояла в близких отношениях с Ф.М. Достоевским. Женился Василий Васильевич на ней в 1880 году, брак этот оказался неудачным. Они расстались, но развода А.П. Суслова не давала. Поэтому священник, тайно обвенчавший Розанова с Бутягиной, взял с новобрачных обязательство, что после заключения брака они переедут в другой город. Дело в том, что такой брак считался незаконным, тайное венчание грозило наказанием, даже ссылкой в Сибирь.

Ко времени переезда в Белый В.В. Розанов был автором философского труда «О понимании», ряда интересных статей, опубликованных в «Журнале Министерства Народного Просвещения», в «Русском Вестнике», в «Вопросах философии и психологии».

В Белом он не мог удовлетворить свои интеллектуальные и духовные запросы. Общение было ограничено провинциальной средой с ее дрызгами и пересудами. Вот как он сам об этом пишет:

«Расположенный в 130 верстах от ближайшей железной дороги и с тремя с половиной тысячами жителей, город Белый был до того глух (состоял из одной «кривой» или «косой» улицы, от которой шли проулки в поле, а в проулках было по три-четыре дома с огородами), что однажды волки разорвали ночью свинью между собором и клубом.

...Провинциальный городок Белый один из тех, где происходит действие рассказов Чехова.

...Да, в Белом была история: именно интеллигентные старожилы уверяли, что «Белый» с мужским окончанием, а некогда он назывался «Белая», с женским окончанием, потому что была крепость Белая, защищавшая Московское государство от набегов Литвы, с земляным валом. Но когда Польшу присоединили к России и вообще все это кончилось, то Белая, естественно, переименовалась в Белый.

...Мне два года случилось жить в городе Белом Смоленской губернии, там единственное место гулянья было кладбище. И я помню, с молодой женой, только повенчавшись, ходил гулять туда. Больше решительно некуда пойти. А природы хочется, в «медовый-то месяц».

Несколько обидно нам, па-

триотам своего города, читать такие обидные строки о нем.

Возможно, после Нижнего Новгорода, Костромы и Брянска, где до этого Розанову удалось пожить, наш городок и показался ему неказистым и глухим. Но для нас, бельчан, он всегда – самый лучший, мы дорожим и гордимся его историческим прошлым.

Именно на Бельской земле В.В. Розанов стал писать педагогические статьи. Здесь появились знаменитые «Сумерки просвещения», направленные против рутины гимназического обучения. «Вольнодумный учитель» взялся за критику всей системы образования в российских школах, что восстановило против него Московский учебный округ.

Печатавшиеся «Сумерки» раздражали министра просвещения И.Д. Делянова. Условия жизни в России в ту эпоху получили в них отражение. За это Розанова могли тогда как угодно наказать, и если ничего не сделали, то лишь потому, что «теперешнее положение» - учительство в захолустном городке – представляло собой то естественное наказание, больше которого тогда нельзя было придумать.

Современники писателя оставили интересные воспоминания о Бельском периоде жизни педагога, писателя и философа. Вот каким он запомнился бывшему воспитаннику В.В. Оболянинову, (окончание на стр. 6).

(начало на стр. 5).

учившемуся в 1891 – 1892 гг. в г. Белом: «Среднего роста, рыжий, и с всегда красным, как из бани, лицом, с припухшим носом картошкой, близорукими глазами, с воспаленными веками за стеклами очков, козлиной бородкой и чувственными красными и всегда влажными губами он отнюдь своей внешностью не располагал к себе. Мы же, его ученики, ненавидели его лютой ненавистью, и все, как один».

Воспоминания эти были написаны спустя семьдесят лет человеком, долгие годы находящимся в эмиграции. Но они настолько эмоциональны, подробно детализированы, что их достоверность не вызывает сомнений. Мемуарист, подводя итоги, делает беспощадный вывод: «Мы, малыши, конечно, совершенно не понимали, что творится с Василием Васильевичем на наших уроках, но боялись его и ненавидели. Но, позже, много лет спустя, я невольно ставил себе вопрос, как можно было допускать в школу такого человека с явно садистскими наклонностями?»

О чем размышлял бывший ученик В.В. Розанова, когда вспоминал о его педагогической деятельности? Прежде всего, об отсутствии научно-осмысленной системы преподавания. Учитель вызывал гимназиста и заставлял его читать новый урок по учебнику географии. При этом сам преподаватель ничего не объяснял, не дополнял. Когда проводил опрос, то задавал самые сложные вопросы, «выискивая, чего не знает ученик». Например, показать границу между Европой и Азией. При этом, сам В.В. Розанов ни разу ее не показывал.

Но самое главное состояло в том, что учитель применял насильственные методы воздействия на детей. При ответе на поставленный вопрос он обнимал ребенка за шею, брал за мочку его уха и крутил его. Если отвечающий со-

вершал ошибку, то больно дергал за ухо. Иногда щипал гимназистов, а нередко «если ученик читал выбранный им урок, сидя на своем месте, Василий Васильевич подходил к нему сзади и пером больно колотил его в шею, когда ошибался. Если ученик протестовал или хныкал, то Розанов колотил его еще сильнее. От этих укусов у некоторых учеников на всю жизнь сохранилась чернильная татуировка».

Работа учителем не устраивала и В.В. Розанова: «Форма: а я бесформен. Порядок и система: - а я бессистемен и даже беспорядочен. ... Я бы (мне кажется) «охватил в охапку всех милых учеников» и улетел с ними в эмпиреи философии, сказок, вымыслов, приключений «по ночам и в лесах», - в чертовщину и ангельство, больше всего в фантазию: но 9 часов утра, «стою на молитве», «беру классный журнал», слушаю «реки, впадающие в Волгу» (...) «с какой горы посмотрел Иисус Навин», «какие слова сказал при Пирамидах Наполеон» и ... в довершение – «к нам едет ревизор» или «директор смотрит в дверь, так ли я преподаю». Ну, что толковать – сумасшествие».

Не случайно, с первых дней своей работы в Бельской прогимназии В.В. Розанов делает попытку оставить учительскую деятельность и переехать в Москву или Петербург, или в другой большой город России. Свое желание уехать из провинции он объяснял несколькими обстоятельствами. Вот одно из них: «Белый очень милый город для себя. Но все-таки, потолкавшись в университете и в гимназии, несешь в себе некоторый клубок порывов – на который какой резонанс в наших провинциях с их голубым небом и такими звездами?»

Но, пожалуй, самое главное – свой возможный отъезд из г. Белого В.В. Розанов связывал с переменой своих интеллектуальных занятий – активным писательством. А для этого нужно было найти работу, дающую возможность заняться этим.

В устройстве его судьбы активное участие принимают знаменитые люди конца 19 – начала 20 вв.: М.П. Соловьев, Н.Н. Страхов, С.А. Рачинский. По этому поводу существует довольно большая переписка. С выдающимся просветителем своего времени – нашим земляком – Сергеем Александровичем Рачинским Розанова связывали долгие и непростые отношения. Знакомство их состоялось на Бельской земле и продолжалось десять лет. Розанов бывал в гостях у Рачинского в селе Татеево Бельского уезда, они много переписывались. Во второй половине девяностых годов 19 века между ними возникла дискуссия, затрагивающая сложные проблемы тогдашнего русского общества, как-то: отношение к семье, браку, к христианству. В конечном счете несогласие по этим вопросам привело к разрыву отношений этих замечательных людей.

Но это было позже, а тогда, в 1893 году, С.А. Рачинский познакомил В.В. Розанова с руководителем Центрального управления Государственного контроля Т.И. Филипповым и Василий Васильевич стал чиновником особых поручений седьмого класса в Петербурге. Это произошло как раз в тот момент, когда его брату Н.В. Розанову предложили перейти на работу в г. Вязьму Смоленской губернии (где в 1894 году он умер от Брайтовой болезни). А В. В. Розанов в апреле 1893 года с женой и только что родившейся дочерью Надей (умерла осенью того же года) переехал в Петербург.

В Белом больше он не бывал, но в его работах, переписке с известными людьми нет-нет да и промелькнет упоминание нашего города и воспоминание о днях, проведенных в нем.

Татьяна Чистякова,

директор

Бельской библиотеки, краевед

СОДРУЖЕСТВО ЛИТЕРАТОРОВ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ

Владимир СЕЛЯНКИН

Родился в 1990 году. Живёт в Твери. Окончил факультет автоматизированных систем ТГТУ. Член Правления областной творческой ассоциации «Содружество литераторов Верхневолжья», заместитель руководителя творческого объединения «Струны души», организатор областного молодежного поэтического конкурса «Неоновая муза» (Тверь).

Участник и победитель многих литературных конкурсов. Публиковался в нескольких коллективных сборниках Твери и Москвы, а также в тверской периодике и сетевых изданиях.

ЩЕНОК

Декабрь. Деревня в снегу по
колено.
Косая изба и разбитый порог.
Просевшую дверь подпирает
полено,
А рядом играет лохматый щенок.

Из комнаты слышится кашель
мужчины.
Хозяин – опрятный сутулый
старик –
Старательно лепит фигурки из
глины.
Он с детства работать руками
привык.

С женой попрощался в две тысячи
третьем,
Друзей закадычных давно
пережил.
Забыли про деда и внуки, и дети,
И только щенок не остался
чужим.

А встретился маленький друг у
опушки
Безоблачным утром полгода
назад.
Лохматый, голодный, с пятном на
макушке –
Весёлый – любому событию рад.

Теперь они вместе – не знают
печали.
Порой хулиганит затейливый
плут,
Но добрый старик на щенка не
серчает,
И в доме царит неподдельный
уют.

Настойчивым свистом оранжевый
чайник
Уже объявил перерыв на обед.
Закончив работу и взяв
подстаканник,
За чаем на кухню отправился дед.

Наполнил стакан ароматным
напитком,
Достал шоколад и, обёрткой
шурша,
Присел на кушетку с прожжённой
накидкой
И жестом к себе подозвал
малыша.

Щенок подбежал, весь
измазанный в глине,
Свернулся комочком у дедовых
ног.
Скупая слеза потекла по щетине:
«Спасибо тебе, что я не одинок...»

Екатерина ПОЗДНЯКОВА

Живет в Твери. Член творческого объединения «Струны души», член областной творческой ассоциации «Содружество литераторов Верхневолжья». Победитель конкурса «Неоновая муза» (2010), финалист

и лауреат нескольких тверских конкурсов. Автор книги стихов «Саламандровая ночь» (2019). Произведения публиковались в периодических изданиях и альманахах Твери, а также в журнале «Юность», Невском альманахе, альманахе «Бийский вестник».

* * *

Вьюги разносят на
сахарно-снежных устах
Тихий напев колдовской
колыбельной Марены,
Будто корабль, безнадежно
затёртый во льдах,
Дом, погребённый в сугробах, не
выйдет из крена.
Дремлет хозяин под толстым
тулупом до пят,
Словно оживший в тепле
ископаемый мамонт,
Чуть уловимо в сенах половицы
скрипят,

Корчатся в печке обрывки
березовых грамот,
Жмутся по лавкам скелеты
плетёных корзин,
Травы сушёные под потолком
разметало.
Копятся в теле морозы всех
прожитых зим,
Как ядовитые соли тяжелых
металлов –
Хоть помирай, за деревней
в землицу ложись,
Самое время примерить места на
погосте,
Но... есть нюанс – он влюблён до
безумия в жизнь.
Кажется, это взаимно.
Ему девяносто.

• Литературное краеведение

Ольга МАРКОВА

Ольга Алексеевна Маркова родилась в 1948 году в селе Лыкошино Бологовского района. Окончив Лыкошинскую среднюю школу, где преподавала ее мать, поступила на факультет журналистики Ленинградского госуниверситета. После окончания университета работала в Бологовской районной газете «Новая жизнь». Переехав в г. Владимир, продолжала заниматься журналистикой и литературным творчеством. Часто возвращалась в родные края. Автор семи поэтических сборников, член Союза писателей РФ. Скончалась в 2004 году.

* * *

Знаю, мой голос бесилен,
Чтобы воспеть эту глушь.
Чистый
над крышами иней,
Бора соснового сушь,
Девственность
белой церквушки,
Старый родительский дом,
Добрую
бабкину
Душу!
...И облака над селом...
Просто – до боли родные,
Эти леса и поля,
Просто – глубинка России,
...И сердцевина моя!

«ПАМЯТЬ СВЕТЛА

В КРАСНОМ СЕЛЕ

Красные перья заката,
Будто Жар-Птицы крыло...
Знаю: заря виновата!
Красным назвали село!
Над вековыми лесами –
Красное солнце горит...
– Ма-а-арья!
Ты слышишь ли, Марья?!
Гулкое эхо звенит...
Снятся седыми ночами
Этот домишко и сад...
– Слышу, иду! – отвечает.
Пристальный
ласковый
взгляд.
Узкие старые плечи,
Запах родного тепла.
Радость и суетность встречи:
– Долго в гостях не была!
Светится в банке варенье:
– Нынче смородины – тьма!
...Что ж на одно воскресенье?!
Ах, понимаю, дела...
В доме под старою крышей –
Много счастливых чудес:
Лавка, печурка и мыши...
Сказов причудливых – лес!
С гордостью старая бабка
Мне поверяла тогда:
– Крупным родился твой папка,
Еле его родила...
В поле почуяла схватки,
Все ж борозду довела,
Ну а потом уж и папка,
Вот ведь какие дела!
...Красные перья заката,
Старый родительский дом,
Память светла и крылата,
Будто заря над селом!

ПЕСНЯ

А я без песен
Просто не могу!
Как не могу
Без деревенской сини,
Без светлых глаз
Моей родной России,

И КРЫЛАТА...»

Без колокольни той,
На берегу...
Здесь отчий дом –
Открытый, добрый, старый,
Герань горит,
Как огонек, в окне...
И вся родня
Сидит за самоваром –
Плечо к плечу,
На лавке – в холодке
Здесь – мой отец,
С руками, как кувалды,
Косил траву,
Тесовый дом рубил...
Здесь все, кто жил
Натруженно и жадно,
Кого любила я
И кто меня любил!..
И наша песня длится до утра!
На травах – золотая паутина,
На склонах – золотистая трава...
Старинная и русская картина:
Под отчей крышей,
Словно под крылом,
Выводит хор свое многоголосье –
И наша песня, переполнив дом,
Печаль и радость
За луга уносит!..

* * *

Скрипучий сумрак,
как старик,
Пробрался в двери...
Все тот же старый половинок,
Забывший веник.
Метет, скребет тоска углы...
Притихли мыши.
И только яблони видны
В проеме крыши...
Какая тихая печаль
В отцовском доме...
Калитка стонет по ночам
Не оттого ли?!

* * *

Мне повезло родиться у истока
Российской удивительной реки!
И как бы ни трудна была дорога,
(окончание на стр. 9).

(начало на стр. 8).

Шаги мои – спокойны и легки...
Ты – Волга, воля,
русская обитель.
Твои ключи не зарастут бедой.
И родниковой
праведной водой
Спасутся и святоша, и грабитель...
Задумчиво, светло, не на бегу,
В осоке застревая по колено,
Я прикоснусь к тебе благословенно
И эту радость в сердце сберегу!
Скорей всего из звездного далека
Я это крикнуть людям не смогу.
И вот шепчу на волжском берегу:
«Мне повезло родиться у
истока...»

ПЕЧНИК

Знал он в этих деревушках
Все дома наперечет!
Звали бабы мужика:
«Лешка-черт!»
Чем крепче угощали
Старика...
Ували за работу
Печника!
Сколько глины замесил он
На веку...
Сколько печек – изваял!
Да как пекут...
Пирог румяны-белы
На поду!
Бабы с этим печником
Не пропадут!
С русским чертом
В злую стужу не беда!
И лежанки, и голландки –
Хоть куда!
На селе ему и слава, и почет!
Вечно в глине, вечно в дыме
Лешка-черт...
Раз в году, однако, видели его:
Шел он гордо по деревне и легко!
Отутюженный,
Одетый в пух и прах!
Весь пиджак его –
в медалях-орденах...
Не работал он,
И в рот не брал вина...
В майский день –
Когда закончилась война!

* * *

В пустынной комнате,
как в проруби,
С печальным, утренним окном,
Ты мне казался
черным вороном
С подбитым, раненым крылом...
(Прости напрасное пророчество!)
Свободы раб и властелин,
Ты так устал от одиночества!
Один, как царь,
Как перст – Один.
Не спали записи рабочие,
Листков великая орда,
Как ты, вздыхала и ворочалась
Всю ночь...
До самого утра!
В своем отчаянном убежище,
Придвинув планы и дела,
Ты тосковал по прежней женщине,
По той, которая ушла...
Поверь, мне сразу стало весело,
И так спокойно за тебя,
Когда осенним хмурым вечером
Звонком моим обожжена,
Она тревожно, вдруг, ответила:
«Алло! Вас слушает... жена!»

АВГУСТ

Ах, зачем снимает август,
Золотая голова,
Платье тонкое с березы,
Пожелтевшее едва...
Та молчит, задравши руки,
Задрожала на ветру...
С белых плеч почти без муки
Уронила кисею...
Так волнующе прекрасна,
По-девичьи холодна...
Август – счастлив!
Август – плачет...
Золотая голова!

ЛИСТОПАД

Снова Осень. Птица-осень.
Разыгрался листопад...
Вспыхнул! Ярким покрывалом,
Обволакивая сад...
Дышит огненный и жаркий,
Лижет небо на лету!
Пляшут краски! В шаль цыганки
Превращаясь на ветру!
Танец буйствует и манит,
Вырываясь на простор, –
Щедра осень подсыпает
Листья красные в костер!

ЛАПТА

Вешня... Слово есть такое:
Луг, заросший муравью...
Только что снега сошли –
Мужики сюда пришли!
Все с работы – не умыты,
Пахнут духом мастерским,
Чуть подвыпивши, небриты,
От махорки – сизый дым!
Раскраснелись на ветру,
Решено – играть в лапту!
Дядя Гриша – конюх здешний,
Так и носится по вешне:
– Петька с детства
Парень хваткий!
Он и будет нашей «маткой»,
«Василек или ромашка?» –
Сговорились Леха с Яшкой.
Мяч арапский, как яйцо.
Вышли бабы на крыльцо...
Раскудахтались: Ой, лихо!
Запыхался конюх Гриша!
Эк, как свечку засветил –
Прямо в небо угодил!»
...Мужики серьезны с виду,
Не дают дружка в обиду:
– Дак ведь ранена рука!»
Мяч летит под облака!
Ну, лапта! Попались в сети
Мужики – ну, чисто дети,
Да в такой вступили раж:
«Ваня, родный, не промажь!»
И тикать – во все лопатки,
Засверкали только пятки!
Луг. Да старые амбары.
Вечер теплый и безгрешный.
Мужики, разбившись в пары,
Собрались на талой вешне...

* * *

Да нам ли горевать? О прошлом
плакать?
Пока жива Россия – живы дети...
Промчится ураган, отступит
слабость.
И будет День. На этом белом свете.
Россия наша – чистая, святая,
Любовь ко всем небесно затая,
Нас выведет – босая и нагая
Из бездны страхов, грязи и вранья!

«ЗДРАВСТВУЙ, ВАРЯ...»

*О войне бывшему подрывнику Г.М. Зайцеву
напоминали осколки в ноге и его
партизанский дневник*

КАКОЙ белоснежный мирный покой вокруг. Опираясь на суковатую еловую палку, Геннадий стоял возле затерявшейся в глухом лесу госпитальной землянки. Ему было интересно наблюдать, как изящно перепрыгивала с ветки на ветку белка.

— Зайцев, не простудишься? — спросила медсестра Варя Воронкова, вышедшая за дровами для печурки.

— Не беспокойся, — сильно прихрамывая, Геннадий сделал несколько шагов.

— Тихо! — воскликнула Варя. — Слышишь, Зайцев?

Он прислушался.

— Померещилось тебе...

Близко гавкнула собака, и вновь повисла тишина. Что-то зловещее, предвещающее опасность было в ней. Варя бросила дрова, сбегала в землянку за карабином и, возвратившись, залегла. Через мгновение выстрелила раз, другой... В ответ из глубины леса затрещали автоматные очереди, истоиво залаяли собаки.

Бой длился недолго, потому что силы были неравны. Зайцеву повезло. Неподалеку от землянки оказалась болотина, в которую он упал ничком. Прочесывая лес, каратели несколько раз проходили мимо, посчитав его убитым. Потрясенный случившимся, он дождался наступления ночи, а, утром, опираясь на палку, стискивая зубы

от боли, направился к Замошью — деревне, расположенной в четырех километрах от разгромленного госпиталя. Здесь встретил раненого Сергея Клеменченка. Ему тоже удалось спастись от карателей.

— Поблизости землянка. Переждем, подумаем, что делать, — предложил Сергей.

Родившийся в здешних местах, он отправился в деревню, а Геннадий, пристроившись на холодных нарах из жердей, стал дожидаться его возвращения. Почти двое суток во рту не было ни крошки. Зайцев старался подавить чувство голода, вспоминая детали боя у переправы, во время которого был ранен.

...Разведка донесла: немцы подходят к речке Язнице, что на границе Невельского района с Россонским районом Белоруссии. Каратели предприняли несколько атак, но всякий раз партизаны вынуждали их отступать. Несмотря на это, атаки продолжались. Это вынудило руководившего боем начальника штаба партизанского корпуса И.И. Веселова принять решение о взрыве парома на другом берегу Язницы, чтобы не дать возможности противнику использовать его для переправы. Ответственное задание получил командир специальной группы минеров-подрывников Степан Казак.

— Кого возьмешь в группу? — спросил у него Веселов.

Фамилию Зайцева Степан назвал в числе первых.

Под вражескими пулями пробрались к Язнице, укрылись за сваями взорванного моста. Немцы долго вели ураганный огонь

по сваям. Наконец, наступило некоторое затишье, и тут же в паром полетели связки партизанских гранат. Дело сделано, но радоваться успеху рано: Казак и Зайцев оказались в западне. Пулеметные и автоматные очереди фашистов отрезали им обратный путь.

— Ну что, Геня, пропадать, так с музыкой, — молвил Казак. — Если поползем, перещелкают в момент. Надо бежать...

Побежали и попали под пулеметную очередь. Чудом Варе Воронковой с помощью бойцов отряда удалось вытащить Казака и Зайцева из опасной зоны. Приехавший в лазарет врач партизанского корпуса Вадим Дмитриевич Щеглов, осмотрев раны Зайцева, покачал головой: «Худо». Наиболее тяжелым оказалось ранение бедра. Осколки разрывной пули застряли глубоко в кости, началась гангрена. Немало времени истекло, пока миновала опасность.

— Больше месяца возили нас, раненых, на подводах вдоль линии фронта, чтобы передать в армейский медсанбат, но такой возможности не было, — вспоминал Геннадий Михайлович Зайцев. — Зато во время этих «странствий» я

(продолжение на стр. 11).

(начало на стр. 10).

встретился с земляками из Кашина – заместителем командира второй бригады по разведке Александром Павловичем Константиновым и его дочерью, разведчицей Инной. В Кашине мы жили на соседних улицах, а с Инной учились в одной школе. Наконец, наш лазарет остановился на одном из хуторов Невельского района. Состояние раненых было отчаянное. У многих признаки гангрены, в повязках завелись черви. В это время на хутор совершенно случайно вышли два наших летчика, спустившиеся на парашютах с подбитого немецкой зениткой самолета. От них мы узнали: началось наступление наших войск под Сталинградом и под Великими Луками. Летчики оставили индивидуальные стерильные пакеты и двинулись через линию фронта. Но попытка переправить следом за ними раненых оказалась безуспешной...

...Клеменченко вернулся не скоро. Лицо бледное, скулы обострились. При ходьбе у него сильно болела раненая нога.

– Вот, – поставил на пол землянки торбу. – Поесть дед Филат и Шура прислали.

Филата Ларионова и его дочь Геннадий хорошо знал, в их доме около трех месяцев, еще до того, как нагрянули каратели, лечились партизаны. Когда осенью 1942 года началась цинга, чтобы быстрее поставить их на ноги, Шура, а также Фетинья Андреевна Рощенкова, Полина Семеновна Коваленкова, собирали в лесу дикий чеснок, клюкву, коренья. Из них варили лекарственный настой.

Мороз крепчал, и друзья быстро поняли: в холодной землянке им не выжить. Доковыляли до разгромленного лагеря отряда, нашли железную печку с трубой, установили ее в землянке.

День тянулся за днем. У Зайцева с Клеменченком установился неписанный распорядок. По очереди ходили в деревню, чтобы узнать новости и взять продукты, готови-

ли пищу. Вечерами рассказывали друг другу про свою жизнь. Зайцев рассказал, как стал партизаном.

Перед войной он окончил девятый класс Кашинской средней школы №1. Когда фронт приблизился к городу, вступил в истребительный батальон. Осенью 1941 года, Геннадия и его друга Анатолия Петухова вместе с девятнадцатью добровольцами из других районов Калининской области направили в распоряжение Центрального Комитета комсомола. Принявший их первый секретарь ЦК ВЛКСМ Николай Михайлов подчеркнул:

– Дело вам, ребята, доверяется ответственное. Предстоит стать минерами-подрывниками...

«Подрывник – это, пожалуй, самая значительная фигура среди партизан, именно он способен нанести врагу наибольший урон, – напишет спустя много лет после войны в своей книге «По зову совести» бывший партизан, майор КГБ в отставке Н.Н. Ершов. – Каждый отряд имел группы своих подрывников. Возглавляли эти группы инструкторы, прошедшие специальную подготовку в Прямухинской и других партизанских школах на Большой земле. Архивы и теперь хранят документы, свидетельствующие о боевых подвигах отважных подрывников: Баранова, Марченко, Молокова и Севрюкова из отряда Эдуарда Малаховского; Вахрушева, Зыина, и Королева из отряда Петра Добрякова; Курьяновича и Лукина из отряда Павла Макухи; Романова, Семенова и Токарева из отряда Василия Рыбакова...»

Обучали ребят основательно. Конструкция различных мин, топография, материальная часть оружия. В конце апреля 1942 года были сформированы группы по пять-семь человек, а в начале мая подрывники прибыли в район Торопца, откуда до линии фронта было рукой подать. Группе, в которую зачислили Геннадия, отвели для диверсий участок железной дороги Насва – Новосokolьники.

Возглавил ее Степан Степанович Казак. С ним Зайцев подружился еще в Москве. Этот человек прошел суровую школу борьбы в польской Польше. В польской тюрьме Казаку выбили зубы, сломали пальцы на руках, вырвали из головы волосы. В свои неполные тридцать лет он выглядел почти стариком.

После выполнения первого задания Геннадий стал вести дневник боевых действий группы.

– Если что, подорвусь гранатой, немцам не достанется, – успокоил Казака.

Вот и теперь, лежа на нарах в землянке, он, проверив, на месте ли граната, в который уж раз перелистывал странички:

«13 июня. Пасмурный день, изредка накрапывает дождь. Готовились к выходу на задание. После обеда Казак, Владимир Петушков, Василий Паршинок, я и наш проводник Бойков отправились минировать дорогу... К полотну подошли незаметно. Вместе с Казаком ставим мину – остальные в дозоре. Закончили минировать – стали отходить. Только прошли с километр, как вдруг услышали шум приближающегося состава. Скорость движения небольшая. Неужели чувствуют? Вдруг взрыв. Слышен лязг колес и шипение паровоза. Открылась сначала одиночная, а затем групповая стрельба из винтовок по кустарнику. Потом даже стал бить миномет. Но нас там уже не было. Вечером того же дня Леша Бойков пошел в разведку к месту взрыва. На мину наскочил эшелон в составе 30 платформ с орудиями, автомашинами и несколько вагонов с боеприпасами. Вся техника оказалась под откосом.»

«15 июня. Вновь отправились на задание. В штабе разведроты дали четырех бойцов еще. На этот раз взяли уже 11 килограммов тола. Минировать полотно решили

(продолжение на стр. 12).

(начало на стр. 10-11).

между деревней Сенцово и железнодорожной будкой. К полотну добрались и заминировали благополучно. Зашли в деревню Гамаево к дедам и остались наблюдать. Всю ночь поезда не ходили, и только с рассветом на горизонте появился дымок. Шли минуты тревожного ожидания. Казак забрался для наблюдения на березу. Наконец, взрыв. Вагоны ломались. Это произошло в шесть часов утра. Проводник Леша Бойков, не медля ни минуты, на своем удалом коне помчался сообщить в разведроту о происшедшем. Оттуда дали знать по рации в штаб группировки войск. Вскоре прилетели два штурмовика.

«22 июня 1942 года в сопровождении бойцов из отряда Мартынова мы направились к железной дороге. Мины установили на расстоянии полукилометра друг от друга: одну – с выводом в рабочее состояние между 10 и 11 часами дня, другую – для действия сразу: прогиб рельса на 5-6 миллиметров и – взрыв.

Спрятавшись в укрытии, мы с нетерпением ожидали утра. Бронепоезд появился на рассвете. На этот раз впереди его шла дрезина, на которой были установлены два скорострельных пулемета. Прогиб рельса дрезиной был достаточный, и она взлетела в воздух...»

– Кажется, к нам «гости», – толкнул Зайцева в бок Клеменченков.

Рядом с землянкой негромко разговаривали. Геннадий схватил гранату. Затаив дыхание, друзья ждали, что будет дальше. Голоса постепенно удалились и заглохли. Кто это? Дед Филат и его дочь приходили вчера – наверняка, не они. Каково было разочарование, когда, придя в Замошье, Зайцев с Клеменченком узнали, что это были хлопцы из отряда Г.П. Ахременкова.

В середине марта 1943 года партизаны из отряда «Буря» снова пришли в плетневский лес. Тогда-то и встретились залечившие раны Зайцев и Клеменченков со своими боевыми товарищами, считавшими их обоих погибшими в бою у партизанского госпиталя. Только

что образовался новый отряд «За Родину». Геннадия назначили в нем инструктором подрывного дела, избрали секретарем комсомольской организации. Позже он становится заместителем комиссара 6-й партизанской бригады по комсомолу и членом подпольного бюро Невельского райкома ВЛКСМ.

Много раз интересовался Зайцев то в одном, то в другом отряде судьбой Вари Воронковой. Сведения были противоречивые: погибла в перестрелке у госпиталя, умерла от сыпного тифа. Неизвестность мучила Геннадия Михайловича и в мирное время. Впрочем, до мирного времени еще предстояло дожить.

...Накануне 25-летия комсомола молодежь бригады решила отметить юбилей новыми ударами по врагу. Совместно с командованием 6-й и 21-й партизанских бригад бюро подпольного райкома комсомола разработало план боевых действий. 11 июля 1943 года группа подрывников во главе с Василием Паршонком взорвала эшелон врага у станции Клясицы. Было разбито двенадцать вагонов, уничтожено более пятисот фашистов. 8 августа отряд «За Родину» подорвал на большаке три вражеских автомашины – убито более тридцати гитлеровцев. 20-21 августа на железной дороге Невель – Полоцк взорвано два эшелона с боеприпасами и боевой техникой...

4 ноября 1943 года бригада соединилась с частями Красной Армии. К этому времени в ее составе было 5 партизанских от-

рядов общей численностью 450 партизан. За время своей деятельности бригада спустила под откос 40 эшелонов, подорвала 84 железнодорожных и шоссейных моста, разгромила 3 гарнизона противника, уничтожила в открытых боях и при диверсиях свыше 2600 вражеских солдат и офицеров...

Мужество и героизм Геннадия Зайцева были отмечены медалями «За отвагу», «Партизану Отечественной войны» I степени, грамотой Центрального Комитета комсомола. Позже к этим наградам добавится орден Отечественной войны I степени....

В послевоенные годы, где бы ни работал Геннадий Михайлович, его не покидало желание побывать в местах партизанской юности. В 1958 году он написал письмо в Невельский райисполком с просьбой сообщить, как сложилась дальнейшая судьба жителей Замошья. Пришел ответ: этой деревни больше не существует. Три года спустя, окончив учебу в Московском лесотехническом институте, Геннадий Михайлович разыскал в столице бывшего комиссара партизанской бригады Николая Ивановича Макарова. Тот знал адрес Сергея Клеменченка. Зайцев приехал к Клеменченку в Невель, вместе они навестили деда Филата, который теперь жил в деревне Погорелое.

– Геня? – дрогнуло лицо старика, на глазах его навернулись слезы. – А я тебя всегда

(окончание на стр. 13).

(начало на стр. 10-12).

помнил. Верил, что приедешь...

Филат Андреевич рассказал, что его дочь Шура живет в Ленинграде, а Варя Воронкова, по его словам, воевала в одном из партизанских отрядов в Белоруссии и погибла в неравном бою под Полоцком летом 1943 года...

Но нет! Не погибла отважный партизанский фельдшер Варя Воронкова! Узнал об этом Геннадий Михайлович при весьма любопытных обстоятельствах. В 1967 году, работая председателем Нелидовского райисполкома, он опубликовал в местной газете партизанские воспоминания, в которых упоминалась и Варя, родившаяся, как ему было известно, в Нелидовском районе.

Шло заседание райисполкома, объявили перерыв. Зайцев вышел из зала заседаний и увидел... Варю. Годы не пощадили ее, но это была она – та, кому Зайцев и некоторые другие партизаны были обязаны жизнью. Не начини она тогда, в лесу, стрелять, немцам наверняка удалось бы уничтожить всех раненых.

– Геннадий Михайлович, здравствуйте, – тихо произнесла она. – Не хочется, чтобы считали погибшей... Помните меня?

– Здравствуй, Варя... – Зайцев сглотнул комок в горле.

– Прочитала и пришла...

– Я помню! Все, все помню, Варя!! – воскликнул Зайцев, и они надолго застыли в крепких объятиях.

Драматически сложилась судьба Вари. В том бою с карателями ей удалось вырваться из окружения. Попала в один из белорусских партизанских отрядов под Полоцком. Там, спасая больных тифом партизан, заболела сама и оказалась в лесном госпитале. Госпиталь обнаружили каратели и уничтожили большинство раненых. Варя, оказалась в плену. После выздоровления немцы направили ее в Германию, под Гамбург. Довелось испытать Варе Воронковой нечеловеческий труд и горечь унижения в фашистском концлагере сполна. Но она твердо знала: наши победы, надо выжить. И выжила. Через много лет после войны получила заслуженные награды. Еще более трагичной

оказалась судьба Степана Степановича Казака. В июне 1944 года, за месяц до прихода Красной Армии, он погиб при разгроме немецкого гарнизона в Кудеверском районе.

Послевоенная биография Г.М. Зайцева была в основном связана с лесом. Он работал директором ряда леспромпхозов, двенадцать лет руководил управлением лесного хозяйства Калининского облисполкома. Многие сделал для развития лесопромышленных предприятий, за что удостоился орденов Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», звания заслуженного лесовода РСФСР. Когда подошел пенсионный возраст, возглавил Калининскую производственную лабораторию Центра НОТ и управления производством Минлесхоза РСФСР. Под руководством Геннадия Михайловича группа лесоводов области разработала и внедрила технологии производства семян хвойных древесных пород в специализированных комплексах. Этот труд был оценен Государственной премией СССР.

О войне Геннадию Михайловичу постоянно напоминали около сорока осколков от разрывной пули, оставшихся в раненой ноге. А еще – та записная книжечка, которую он носил с собой во вражеском тылу. Помнится, будучи в гостях у Зайцева, я попросил у него эту книжечку с пожелтевшими страничками, исписанными, где карандашом, а где чернилами. На первой страничке прочел эпиграф: «В наших руках судьба Отечества, свобода и счастье нашего народа и всего человечества». Подумалось: юноши огненной, незабываемой поры, сколь много сделано вами для Отечества! И как же обязаны мы вам за великую Победу!

Валерий Кириллов,

писатель, г. Андреаполь,

На снимках: подрывник 6-й Калининской партизанской бригады Геннадий Зайцев. 1943 г.; председатель областного совета ветеранов партизанского движения Г.М. Зайцев (справа) и директор Западновинского ДОКа, бывший разведчик 10-й Калининской партизанской бригады В.А. Боровков. 90-е гг.

• Редкие песни

Сқақал қазақ

Сқақал казак через долину,
Через кавказские края.
Сқақал он садиком зеленым,
Кольцо блестело на руке.

Кольцо казачка подарила,
Когда казак ушел в поход.
Она дарила, говорила,
Что через год буду твоя.

Вот год прошёл, казак стрелой
В село родное поскакал,
Завидел домик под горою,
Забилось сердце казака.

Навстречу шла ему старушка
Такие речи говорит:
«Напрасно ты, казак, стремишься,
Напрасно мучаешь коня,
Тебе казачка изменила
Другому сердце отдала».

Казак колечко золотое
В Кубань бурливую бросал,
Он повернул коня гнедого
И в чисто поле ускакал.

• Письмоносец

Явление культуры

Выпуск культурно-просветительского вестника «Двинский бережок» в маленьком городке Андреаполь воспринимаю как значительное явление культуры регионального масштаба. Хорошо, что вестник поступает в областную библиотеку имени Горького. Но очень жаль, что опытные издатели не находят распространения в Твери. В областном центре нет своего литературного журнала, своей литературной газеты.

Д. Волчкова,
г. Тверь

ДОРОГАМИ ВОЙНЫ

200 км по Тверской области

Какой же сволочью надо быть, чтобы придумать термин «победобесие». Проехался по части Тверской области, снимая через стекло вот такие указатели, встречающие через 50 или чуть больше километров. Почти у каждой деревни воинское захоронение, почти у каждого села обелиск.

Если бы война длилась с сорок первого по сорок второй и проходила только на половине Тверской области, ее уже никогда не следовало бы забывать.

Обратите внимание на одно из фото. Больше двух месяцев в июле сорок первого в болотах на границе Тверской и Смоленской областей наши войска сдерживали врага. Только один этот факт рушит многие либералистические мифы о начале войны.

Три года в этих краях шла война. Три года на этой земле от рук врага умирали наши люди.

«Территория Калининской области в границах на июнь 1941 года была частично оккупирована с 5 июля 1941 года по 19 июля 1944 года».

И. Кирпичев,
г. Нелидово

• Реплика

Граффити с умыслом

Появление граффити Бродскому в Санкт-Петербурге и совсем недавно граффити Солженицыну в Твери... На мой взгляд, все это не случайные действия, а имеющие совершенно конкретное целеполагание.

Бродский написал оскорбительную эпитафию маршалу Жукову, Солженицын оклеветал Сталина, Шолохова. Это говорит о том, что антисоветизм продолжает оставаться идеологией правящей либеральной «элиты», но это – тупиковый путь. Черчилль однажды сказал: «Страна, которая борется со своим прошлым, не имеет будущего». Напрашивается вывод: либералы не хотят, чтобы у России было будущее.

В. Петров,
г. Тверь

«Так хочу, чтоб жили лебеди...»

Символом любви и верности в животном мире считают лебедей. Обитают лебеди и на территории Новгородской области.

Здесь можно встретить три вида лебедей: лебедя-кликун, лебедя-шипуна и малого, или тундрового лебедя.

Самый редкий вид – малый, или тундровый лебедь, занесён в Красную Книгу России как восстанавливающийся вид. Встретить его на территории заповедника можно только во время миграций, и каждая такая встреча – событие. И хотя гнездится данный вид только в России, населяя тундры от Колыского полуострова до Чукотки, но европейское орнитологическое сообщество с незатухающим интересом следит за судьбой этого вида.

Лебедь-шипун и лебедь-кликун занесены в региональную Красную книгу.

Лебедь-шипун встречается изимой, и летом. И если говорить о месте лебедя в человеческой культуре, то именно на лебедя-шипуна больше всего похожи все сказочные лебеди. Из-за своей красоты, изогнутой шеи и привычки «распушать» крылья над спиной он издавна разводится как декоративная парковая птица, похожая на большой белый цветок. Таких полудомашних шипунов часто можно увидеть на прудах Москвы и Санкт-Петербурга.

Лебедь-кликун, в отличие от шипуна не так изящен внешне, зато его чистые трубные крики не оставят равнодушным никого.

Наблюдать лебедей проще всего во время миграций – весной и осенью. Окрестности Великого Новгорода богаты неглубокими озёрами, прудами, обширными мелководьями, на которых любят останавливаться большие лебединые стаи. Имея определённый навык, можно отличить друг от друга разные виды лебедей. В пер-

вую очередь их определяют по окраске клюва: у лебедя-шипуна клюв красный с чёрным шишковидным наростом у основания. А вот у кликуна и малого тундрового лебедя клювы у основания имеют жёлтую окраску, и чёрный кончик клюва занимает примерно треть его длины (у кликуна) или половину (у малого тундрового лебедя).

Рдейский заповедник как часть Полисто-Ловатской болотной системы (ПЛ болотная система НВ-001) входит в список ключевых орнитологических территорий (КОТР) международного значения Европейской России. Здесь расположены места гнездования многих видов птиц, в том числе занесённых в Красную книгу Российской Федерации и Новгородской области. Известно, что на территории Рдейского заповедника одна пара кликунов регулярно выводит птенцов, и это единственное известное место в Новгородской области, где лебедь-кликун гнездится.

5 мая 2018 года на одном из отдалённых и труднодоступных водоёмов отмечена пара с выводком. Издалека мы заметили на го-

ризонте еле различимую белую вертикальную черту – это лебедь вытянул шею, заметив людей. Через минуту он исчез из поля зрения. Спустя несколько часов в верхней части упомянутого водоёма услышали лебединые крики. Лебедь-кликун, тревожно крича, долго летал над группой исследователей и, наконец, скрылся за деревьями. А ещё через десять минут показалась лебедушка с выводком – видимо, несмотря на существующую угрозу, решила провести птенцов мимо людей. Сначала из-за травы показалась только её голова. Она внимательно оценила обстановку, а потом потихоньку, стараясь сохранить максимальное расстояние до людей, провела своё потомство мимо, время от времени настороженно и повелительно произнося какое-то «Ррр-у-у... рру-у».

Наталия Зуева,

орнитолог

Рдейского заповедника

Золотой запас

Александр Пушкин

(1799-1837)

ЦВЕТОК

Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя.

Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

Юлия Друнина

(1924-1991)

САПОЖКИ

Сколько шiku в нарядных ножках –
И описывать не берусь!
Щеголяет Париж в сапожках,
Именуемых «а-ля рюс».

Попадаютcя с острым носом,
Есть с квадратным –
На всякий вкус.
Но, признаться, смотрю я косо,
И, быть может, чуть-чуть сержусь.
Вижу я сапоги, не сапожки,
Просто русские, а не «рюс», –
Те, кирзовые, трехпудовые,
Слышу грубых подметок стук,
Вижу блики пожаров багровые
Я в глазах фронтовых подруг.
Словно поступь моей России
Были девочек тех шаги.
Не для шика тогда носили
Наши женщины сапоги!..
Пусть блистают сапожки узкие –
Я о моде судить не берусь.
Но сравню ли я с ними русские,
Просто русские, а не «рюс»?

Владимир Бушин

(1924-2019)

ОГЛЯНИСЬ!..

В свой звёздный час победы и
удачи,
Когда преграды все сокрушены,
А ты твердишь: «И не могло
иначе!» –
Взгляни-ка на себя со стороны.
И в день, когда ты проиграл
сражение
И ниц лежишь, стеная и скорбя,
Вновь напряги своё воображение, –
Со стороны взгляни-ка на себя.
Когда в грехе ты уличишь собрата
И кто-то крикнет яростно:
«Распни!»,
А он молчит, моргая виновато, –

Ты на себя со стороны взгляни.
Ты можешь пить вино и веселиться
В кругу друзей, что так тебе верны,
Но если рядом будут слёзы литься, –
Взгляни-ка на себя со стороны.
Случись, в любви возвышенной и
страстной
Ты станешь клясться, вовсе не
любя,
А лишь затем, что был денёк
ненастный, –
Со стороны взгляни-ка на себя.
Взгляни со стороны на все деянья,
Ни одного поступка не забудь.
И под парчой иль шёлком одеянья
Проступит их доподлинная суть.

Ольга Берггольц

(1910-1975)

ЗДРАВСТВУЙ...

Сердцем, совестью, дыханьем,
Всею жизнью говорю тебе:
«Здравствуй, здравствуй.
Пробил час свиданья,
Светозарный час в людской судьбе.
Я четыре года самой гордой –
Русской верой – верила, любя,
Что дождусь –
Живою или мертвой,
Все равно, –
Но я дождусь тебя.
Пусть же твой огонь неугасимый
В каждом сердце светит и живет
Ради счастья Родины любимой,
Ради гордости твоей, Народ.